

Премьера первого спектакля по твоей пьесе состоялась в Санкт-Петербурге в театре «Эксперимент» в апреле 1994 года. Пять лет неординарно активной драматургической деятельности, а споры вокруг твоей драматургии становятся все яростнее, мнения все полярнее. Тебя и обожают, и ненавидят, и презирают, и завидуют тебе... Это непрерывное кипение скандала и страстей вокруг тебя ты поддерживаешь намеренно и расчётливо?

— То, что скандал возник после первой же постановки в Москве в Театре им. Станиславского «При чужих свечах», стало для меня неожиданностью. Я ожидала, что все восхитится мною и ужасно обрадуются моей пьесе. Но ожидания сбылись только наполовину. После «Овечки» скандальность приобрела просто глобальные масштабы, вплоть до предложения «отлучить меня от церкви».

— Прямо как Льва Толстого...
— Мерси за ассоциацию. Я ведь и из-за «Овечки» скандала не ожидала. Думала, теперь уж точно все уймется.

— Ханжество многих критиков тогда просто потрясло меня. В то время был какой-то пик порнографии в театре, и никого это не волновало, но за «Овечку» тебя многие как-то даже лично возненавидели.

— Стала выявляться некая закономерность: что ни спектакль, то скандал хотя бы местного значения. «При чужих свечах» в Пензе — скандал; «Ненормальная» в Туле — скандал; «Пока она умирала» в Александринке — скандал! И так 1995—1996 годы. Потом провинция внезапно меня полюбила и приняла, Санкт-Петербург смягчился, а в Москве всё то же. Сейчас я в атмосфере скандала адаптировалась, мне комфортно и радостно. Скандалы ведь связаны только с пьесами, а не с моей личностью или частной жизнью. Я человек спокойный, жизнерадостный, недостатки в себе нахожу с трудом и только под чьим-нибудь сильным нажимом.

— Это твой взгляд на себя. Допустим, лично я его разделяю, но с твоей репутацией в театральной среде он как-то не очень совпадает.

— Но мне-то виднее! Я-то себя знаю лучше! А какая у меня репутация?

— О тебе говорят, что ты по-мужски деловая, жесткая, независимая и самостоятельная. Излишне прямолинейна. В то время как многие драматурги мечтают быть поставленными где угодно и на любых условиях, и вообще без всяких условий, ты позволяешь себе отклонять мало того что престижные предложения, но еще и высокооплачиваемые. Хотя половина театров России играет твои пьесы вообще бесплатно, причем с твоего официального согласия, я уж не говорю о «пиратских» постановках. В то же время лично я знаю два случая, когда ты не уступила свои пьесы антрепренерам за очень большие деньги, потому что хотела еще больше. И даже самому МХАТу предоставила только право второй постановки, хотя подобного уровня театры никогда ничего не берут «вторым экраном». Это что — капризы звезды?

— Тут гораздо больше вопросов, чем тебе кажется. Попробую все разделить по полочкам. Естественно, я анализирую все, что происходит с моими пьесами в театре, стремлюсь осмыслить театральный рынок, спрос, предугадать тенденции, понять перспективы. Я стараюсь думать на два-три года вперед. Потому что путь пьесы из компьютера на сцену в среднем занимает два года.

— И тебе удается обгонять время. Вдруг сейчас возник спрос на твою пьесу «Приходи и уводи». Несколько премьер подряд. Спектакли оцениваются критикой как очень актуальные:

об унижении и разгроме среднего класса, о связи поколений, о том, что у всех нас есть корни, что за нами стоит история Родины и наши предки — ее участники, и мы не можем с этим не считаться. Критики хвалят тебя за знание современной жизни. Зал смеется и плачет, а пьеса написана в 1986 году.

— Да, внезапно вспыхнувший интерес к этой старой моей пьесе стал неожиданностью для меня самой. А такой живой ее успех — просто шоком.

— И много у тебя еще таких пьес в запасе?

— Я же не гадалка. Мне лично кажется, что что-то подобное должно произойти еще с некоторыми пьесами. Например, с «Монументом жертвам» или «Шестерками». Сейчас они идут всего в нескольких театрах.

— А сколько актрис мечтают о роли Лизы из «Монумента жертвам»? Но мы отклонились

силах заплатить автору, — стыдно. В сущности это отказ зрителям, отказ народу. Поэтому я сознательно и без единой слезы отдаю некоторым театрам пьесы совершенно бесплатно и без процентов (там каждая копейка на счету). Или за символические деньги. Но те театры, которые ставят пьесы без моего согласия, я стараюсь преследовать как можно более жестоко. Жестоко именно в финансовом плане.

— А откуда ты знаешь, действительно ли у театра нет денег или тебе врут?

— Иногда врут. Но очень редко. Практически я уже привычно ориентируюсь, как у кого с деньгами. Но, что удивительно, театры сами стараются заплатить мне, причем по максимуму для себя.

— Значит, ты у нас патриотка и альтруистка?

— Патриотка, безусловно. А альтруизм ни при чем! Я

му. Провинция ведь очень сильно ориентируется на репертуар столиц. Здесь мне важно, какой театр, какие артисты, какой режиссер, на какой резонанс можно рассчитывать после премьеры. Я провожу свою определенную и довольно сложную политику. Слежу, например, чтобы в Москве было не более трех-четырех премьер в сезон...

— А как ты можешь планировать сезоны? У тебя же нет собственного театра! Ходишь по театрам, разносишь пьесы? Вот, например, один известный драматург рассылает регулярно свои пьесы по всем театрам России.

— Нет, я пользуюсь услугами двух наших московских агентств по распространению пьес. А переговоры веду только с теми, кто ко мне обращается сам. Театры знают, что им надо, театры имеют возможность по-

крашали. И ничего! Взял «Пизанскую башню». И снова полгода договаривались, очень жестко. И ничего. Смею надеяться, что мы равно уважаем друг друга и испытываем симпатии друг к другу. У него тоже характер не сахар. У всех директоров характер — не сахар. И я имею ровно столько же прав на отвратительный характер, как и они. И вообще раз на раз не приходится. С директором Театра им. Пушкина Вячеславом Евгеньевичем Орловым мы договорились по телефону за пять минут удовлетворительно и окончательно. Гораздо острее у меня конфликты с некоторыми режиссерами — из-за посягательств на тексты моих пьес.

— В этом отношении, я уверена уж точно, более жесткого драматурга в стране просто нет. Многие тебя за это осуждают. А почему такая не-

драматург. Ведь когда решают поставить пьесу, про нее все знают. Не начнут репетировать одно первое действие, не догадываясь, что там придумает драматург во втором. А драматург всегда рискует. Он никогда не знает, какой выйдет спектакль. Он вынужден слепо довериться. Слово — единственная его защита. Я всегда требую: текст не трогать, а так ставьте о чем угодно. За исключением: в спектаклях по моим пьесам не может быть идей фашизма, темы развращения малолетних и инцеста. Иногда меня просят внести какие-то поправки, если это убедительно — делаю. Например, режиссер из Уфы Михаил Рабинович дал мне только два вопроса по образу Старика из «Приходи и уводи». И я вдруг сама все поняла про эту пьесу окончательно, переписала роль старика и внесу поправки при следующей публикации. А вольного обращения с моим текстом я не позволяю и даже подумываю внести в договоры штрафные санкции за это.

— Но ведь даже Шекспира и Чехова переписывают!

— Кстати, самый распространенный аргумент. Причем режиссеры мне приводят его с таким пафосом, словно получили личное разрешение Шекспира и Чехова на поправки. Я убеждена, что Чехов даже и представить себе не мог такого хамства по отношению к его пьесам. Я могу сделать исключение ради личности режиссера. Например, для Бориса Мильграмма, потому что его уважение к любой пьесе и вообще к чужой работе абсолютно. Роберт Стурра говорил мне, что намерен поставить «Пока она умирала», и просил разрешения заменить русские имена на грузинские. Стурра я априори позволяю менять что угодно (хотя его культура такова, что он наверняка все обсудит), потому что это режиссер, который умирает не только в артистах, но и в пьесе.

— Тебя ставят и в антрепризах. Что для тебя антрепризные постановки?

— Смотря какая антреприза! Если наспех сколоченная — поменьше потратить, побольше хапнуть, — то я в таких не замечена.

— А предлагали?

— Выше крыши! Кстати, мои спектакли в антрепризах, несмотря на высокие цены и аншлаги, не окупаются. Так что антрепренеры, вкладывая много денег в мои пьесы, отнюдь не наживаются вопреки распространенному мнению. Эти спектакли престижны.

— Наконец-то понятно, с кем у тебя безоблачные отношения! С антрепренерами!

— Как бы не так! Жутко и всегда скандальные.

— Из-за чего?
— В основном из-за денег и невыполнения сроков постановки.

— Но если в антрепризе на спектакль денег хватает, а на тебя с твоими претензиями не хватает — неужели не дашь?

— Вот это и есть дискриминация труда драматурга и вообще труда! Пойми, наш труд не должен цениться меньше, чем материально видимое: декорации и прочее.

— И не уступишь?

— Нет. Если у кого-то на что-то не хватает денег, значит, он не может этого купить.

— Ну и что ты выигрываешь тем, что выпендриваешься? Только деньги теряешь. И спектаклей было бы больше в той же Москве.

— Спектаклей мне хватает. За теми, что идут, не уследишь. Я ведь один человек, а не агентство. А выигрываю я очень много! Сохраняю чувство собственного достоинства. На мой вкус, одна из самых важных вещей на свете. За это жизнь отдаю. А терять чувство собственного достоинства ради денег совсем уж убого как-то!

● Валентина ФЕДОРОВА

О ВЕЧКА В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Надежда Птушкина с любимой собакой

от вопроса. Ты жесткая? Ответай прямо!

— Это не жесткость, а определенность позиции.

— А что в основе твоей позиции?

— Думаю, здравый смысл и характер. Главное для меня как для драматурга — театральная провинция, то есть Россия. Критика далеко, официальные триумфы не светят, и спектакли там ставят только ради зрителей, то есть для народа. Успех, само существование этих театров, финансы зависят только от народа. Это жесткие условия. И честь и хвала тем, кто выставляет. А таких большинство. Я сейчас жадно стремлюсь узнать и понять Россию, все увидеть самой. На премьеры я езжу четыре-пять раз в месяц, больше, к сожалению, не могу — писать-то тоже надо время от времени.

— Ну уж время от времени... По-моему, ты работаешь буквально круглосуточно!

— И я не из газет знаю, как катастрофично финансовое положение большинства российских театров. Не дать такому театру пьесу, потому что он не в

дальновидна. Да, сейчас я даром отдаю пьесы нищим театрам. Но я оптимистка. Времена изменятся. И я уже отмечаю маленькие, но тенденции к лучшему. Театры разбогатеют, а к этому времени пристратятся к моим пьесам. Я просто готовлю себе обеспеченную старость.

— Ну и как отношения с провинцией? Попадут откуда тебе стакан воды на старости?

— Ведро подадут! У меня в день по несколько междугородных звонков: кто-то звонит, что ставят аж третий спектакль, а кто-то — впервые. И обращаются ко мне: голубушка, родная, милая, хорошая...

— Ну а в Москве тебя называют голубушкой?

— А ты слышала?

— То, что я слышала, не для печати.

— В Москве и Санкт-Петербурге ситуация для меня иная.

— Но и там, и тут у тебя ведь очень много спектаклей!

— На постановки в Москве и Санкт-Петербурге я смотрю несколько иначе — как бы функционально. Как на рекла-

лучить информацию о моих пьесах. И это нормально, чтобы обращались ко мне они.

— Но как объяснить, что именно в столицах ты столь неуступчива в финансовом отношении, вплоть до того, что не решаешь ставить пьесу?

— Реклама — это с моей точки зрения. А театры ведь к моей пьесе не подходят так: а не устроишь ли нам рекламу для Надежды Птушкиной?

— Но ходят слухи, что ты самый высокооплачиваемый драматург...

— Миф! И директора столичных театров легко могут его опровергнуть.

— Я знаю твою репутацию у директоров театров: с тобой очень трудно договариваться, но это все происходит «на берегу», до начала работы. Зато потом с тобой не бывает проблем.

— По-моему, репутация хорошая. И я буду ею дорожить. И не так уж директора пугаются трудностей со мной! С Феликсом Яновичем Демичевым сколько мы спорили педжиссером может загубить артистов. Но менее всех защищен

Можно побиться об заклад: этот автор — последний из появившихся в XX веке в России культовых драматургов. Другие за оставшийся год просто уже не успеют о себе заявить. А тем более наскандалить, как наскандалила она. Фамилия ее Птушкина (не путать с Петрушевской), а имя — Надежда

04.07.99
Птушкина Надежда

152